

УДК:165

ОБЪЕКТИВНОСТЬ «ОБЪЕКТИВНОСТИ»: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ Л. ДАСТОН И П. ГАЛИСОНА И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ¹

Вархотов Т.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: varkhotov@gmail.com

Статья посвящена методологии исторического исследования научного знания. Основным предметом рассмотрения является историографическая модель развития науки Нового времени, предложенная Л. Дастон и П. Галисоном в их фундаментальном совместном труде «Объективность». Проводится аналитическая реконструкция эпистемологических установок и концептуального аппарата авторов «Объективности» в контексте проблемы пределов историзации знания и исторического релятивизма. Одновременно ставится вопрос о регулятивном идеале эпистемологии, рассматривающей свой предмет как принципиально историчный. Автор приходит к выводу, что историчность науки и эпистемических добродетелей не исключает поиска универсалий и устойчивых инвариантов в истории науки, и что «мыслить эпистемологию исторически» не значит встать на позиции релятивизма. Историзм, скорее, предполагает отказ от априори в эпистемологии, признание локальности исторически наличных инвариантов и установка кропотливый поиск нелокального на линиях пересечений всегда локальных исторических практик воспроизводства знания.

Ключевые слова: эпистемология, история науки, философия науки, методология исторического исследования.

За примерно полутора вековую историю истории науки накоплено много способов работы с этим интересным и деликатным предметом. Начавшись, по сути, как апологетический проект защиты «истинного знания» от «вековых суеверий» и «клерикальных нападков» с помощью демонстрации непримиримой враждебности «истинному», научному знанию всех альтернативных форм интеллектуальной культуры на протяжении всей истории цивилизации², история науки постепенно пришла к значительно более сложной форме существования. После краха

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00281 А «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы.

² Указанный взгляд сложился, в основном, под влиянием социальных процессов, связанных с рецепцией идей дарвинизма в третьей четверти XIX в. и далее. См., например, обстоятельный разбор этого сюжета в [Брук, 2004]).

позитивистского проекта единой линейной «накопительной» истории науки, – от которой остались выдающиеся образцы «всемирной истории прогресса научного знания», по сей день играющие не последнюю роль в ознакомлении с историей науки студентов ВУЗов,³ – история науки пережила несколько серьезных методологических интервенций. Она впитала в себя (и, в свою очередь, питала своими находками) результаты непрекращающихся дискуссий в философии науки, последствия микроисторического поворота в исторической науке, данные и выводы новейших направлений исследований практик, затрагивающих процессы создания, воспроизводства и рецепции научного знания (напр., развитие аудиовизуальных форм репрезентации и компьютерных технологий).

Одним из ярко проступивших в начале XXI в. результатов методологической трансформации истории науки⁴ является отказ от двух опорных концептов (и, одновременно, эпистемологических правил), длительное время направлявших работу всех ученых гуманитарной и обществоведческой сфер – от универсалий и классических причинно-следственных объяснений. Говоря словами Л. Дэстон, «Большинство историков науки больше не считают, что какая-либо структура способна воздать должное их предмету. Сама идея поиска всеобъемлющих закономерностей в истории науки кажется дикой (bizarre), своего рода рудиментарным гегельянством, ищущим скрытую, неумолимую логику в наблюдаемых капризах истории, – в случае Куна – последней попыткой дать Разуму (теперь воплощенному в науке) Рациональную историю» [11, р. 117]. В цитируемой статье Л. Дэстон разворачивает перспективу пост-куновской истории науки, важной частью которой (или одним из возможных итогов) является написанная ею в соавторстве с одним из ведущих современных историков физики и философов науки Питером Галисоном опубликованная в 2007 г. монументальная работа по истории науки Нового времени, озаглавленная «Объективность» [см. 13].⁵ По мнению Л. Дэстон, в истории науки «история» победила «науку»,⁶ и тщательное внимание к деталям, – прежде всего, к элементам практик, составляющих саму жизнь науки как конкретной культурно-исторической реалии, – вытеснило как строгие концептуальные схемы, так и диагностику причинно-следственных связей (либо констатации принципиального отсутствия таковых, как в случае с куновской идеей «несоизмеримости» научных парадигм).

Перевес «истории» над «наукой» в историографии этой последней означает, прежде всего, смещение от рациональных реконструкций и теоретических предметов в сторону более внимательной фактографии, оперирующей, прежде всего, конкретными материальными формами жизни «ученых», ориентируясь на

³ Поскольку именно квази-позитивистский взгляд на историю науки позволяет представить объект системно и единообразно, что бесценно в педагогической практике. Замечательным примером такого рода является [1].

⁴ Схематичное, но очень точное описание этого события см. [12].

⁵ Русский перевод вышел в сентябре текущего года, после того как работа над этой статьей уже была завершена [см. 7].

⁶ «История науки никогда не была более решительно исторической в своих методах (архивных) и способах объяснения (контекстуальных); многие, если не большинство ею занимающихся, учат на факультетах истории, к которым, как полагал Кун, они и принадлежат». – см.: [11, р. 118].

которые мы (и, в еще большей степени, они сами) относим их и то, чем они занимаются, к «науке». «Объективность» предлагает читателю очень специфический, – в особенности, для русскоязычного пространства, в котором работа Л. Дастон и П. Галисона пока аналогов просто не имеет – тщательно избегающий пресуппозиций и заготовленных заранее «машин интерпретации» взгляд на развитие научного знания в XVIII-XX столетиях. Этот взгляд является, прежде всего, попыткой сделать отправной точкой исследования некоторые взгляды, т.е. буквально работу глаза «ученого» и специфические практики, связанные с этой работой.⁷

Основным материалом, с которым работают авторы «Объективности», являются не идеи или теории, не персоны или коллективы, а конкретные практики визуального наблюдения и репрезентации, воплощенные в научных атласах. Сами авторы объясняют свой выбор следующим образом: научные атласы представляют собой жанр с долгой историей (существует как самостоятельный значимый жанр научной литературы по меньшей мере с XVIII в., что позволяет анализировать их развитие как непрерывное), присутствуют во всех естественных науках и даже в математике, играют существенную роль в воспроизводстве научного знания (в образовательных практиках) и достаточно дороги (во всех смыслах), чтобы заметные изменения в практиках их изготовления и использования считать значимыми и не случайными [12, р. 666-667]. При этом обильно цитируемые, в том числе в форме изображений, атласы выступают не просто иллюстративным материалом или источником выявления типов для анализа, они рассматриваются как непосредственные материальные формы существования науки, в равной мере предъявляющие, закрепляющие и формирующие (предписывающие) практики научного наблюдения, репрезентации и объяснения. По замечанию одного из рецензентов «Объективности», Л. Дэстон и П. Галисон «делают в точности то, чего требует их проблема: рассказывают перед нами то, что нам нужно, чтобы мы могли непосредственно понять ученых, которых они описывают. Это ровно столько понимания, сколько мы вообще способны достичь. Они не апеллируют к «привычкам мышления» и вещам такого рода, но они делают что-то подобное. Они изображают фактическую работу ученых, которые приходят к своим необычным представлениям об объективности, таким образом, что их привычки мышления кажутся естественными и правдоподобными. Они стремятся к сопереживанию – то есть к непосредственному пониманию» [19, р. 427].

⁷Тема объективации взгляда и отказа от анализа «представлений» и «концепций» в отрыве от материальных форм и средств воспроизводства этих «взглядов» в историографии науки имеет достаточно давнюю историю и отчетливо обозначена уже, как минимум, в одной из самых важных работ по истории науки, написанных во второй половине XX столетия, – «Левиафане и воздушном насосе» [см. 17]. «Объективность» содержит важные аллюзии на эту работу, напр., два первых параграфа заключительной седьмой главы («Seeing is being» и «Seeing is making») явно отсылают к названию второй и третьей глав работы С. Шейпина и С. Шеффера («Seeing and believing» и «Seeing double»): в обоих случаях производится реконструкция и оценка практик наблюдения и визуализации (работы глаза исследователя) в контексте статуса и устройства экспериментального знания и эпистемологии науки.

Выбор научных атласов обусловлен тем, что они воплощают (в буквальном смысле – придают материальную форму, по меньшей мере, предьявляют материальный след) практику научного наблюдения, рассматриваемого как система относительно устойчивых (и, в этом смысле, неизбежно нормативных) коллективных стратегий, реализующихся в индивидуальных материальных действиях (выборе инструментов наблюдения и средств фиксации, контроле переноса исходного изображения в книгу и т.д.). В полемике с критиками, Л. Дастон и П. Галисон последовательно отстаивают принципиальную несводимость собственной позиции ни к психологизму (сосредоточении на индивидуальных действиях и мотивации ученых), ни к социологизму (реконструкции направляющих коллективную деятельность ученых институциональных норм). Вместо этого предлагается своего рода экспансивный регионализм: наука – это территория (не индивиды и не институты), представляющая собой совокупность обладающих разной степенью автономии и разными размерами регионов. Эти регионы живут по определенным правилам, переплетение и изменчивость которых могут быть извлечены из наблюдаемых форм жизни, одним из типичных примеров которых и являются научные атласы.

Так понятые научные атласы перестают быть нормативными руководствами (сходными в своей моральной нормативности с кондуитами, призванными фиксировать рефлексивно значимые конкретные случаи реализации – обычно в форме нарушений – существующих норм поведения [см. 18]), а представляют собой, скорее, конкретные формы научного взгляда – во всей полноте практики его реализации, от исходной установки до выбора объекта, инструментов, правил осуществления наблюдения и визуальной фиксации, правил взаимодействия с художниками и полиграфистами и т.д. Историк науки следует за глазом ученого, доверяя больше практикам наблюдения и репрезентации, нежели исходной концептуальной установке, нередко обманывающей ученого, как в случае с одним из наиболее важных для книги сюжетов, – исследованием физики всплесков А. Уортингтона, изменившего свое представление о предмете и, шире, эпистемологии под влиянием результатов изменения практик наблюдения и регистрации предмета [13, p. 154-167].

Рассматривая атласы в качестве практик, процессов и территории реализации научного исследования, Л. Дастон и П. Галисон реализуют одну из ключевых методологических идей своего исследования – неразрывность этоса и эпистемологии. Используемое авторами понятие эпистемической добродетели (*epistemic virtue*) предполагает, что цели ученого неотделимы от конкретных правил профессионального поведения, что познавательные практики являются, в конечном счете, такими же практиками, как и любые другие, в том смысле, что предполагают определенную форму моральной регуляции (представление о нормативной самости, об идеальном «я», которым реальное «я» должно стать, чтобы достичь поставленных целей). В этом плане эпистемология, если она существует не только на бумаге, но является реальным историческим образцом системы познавательных идеалов интеллектуальной культуры, с необходимостью предполагает определенную мораль, систему правил поведения (этос), и без этой морали

эпистемология не способна объективироваться в реальной исследовательской практике.

Своеобразная авторская версия «натурализованной эпистемологии»⁸ преобразует познавательные цели относительно действительности в моральные цели относительно субъекта, – ведь достижение целей практики («внешних» целей) предполагает необходимое для регуляции действий преобразование самости (достижение «внутренних» целей). И эти преобразования, формы моральной регуляции, обнаруживаются авторами как в самих научных изображениях, так и в методических соображениях создателей атласов, на всем протяжении их истории весьма охотно обсуждавших правила работы и требования к взявшемуся за создание атласа исследователю.

Взаимосвязь типов субъективности как форм моральной регуляции профессиональной практики человека знания и типов знания, ожидаемых, разыскиваемых этим человеком, находит выражение в трех видах «эпистемических добродетелей», историческому выражению которых в образах (изображениях), практиках наблюдения и в профессиональной идеологии посвящено исследование Л. Дастон и П. Галисона. Эти добродетели – «истина-по-природе» (truth-to-nature), «механическая объективность» (mechanical objectivity) и «тренированное суждение» (trained judgment), – являются для авторов историческими формами научной эпистемологии, а история ослабления влияния первой из них и появление на сцене двух других как раз и представляет собой историю объективности, зародившейся первоначально в форме объективности механической и связанной, в первую очередь, со стремлением изъять из репрезентации субъективность ученого и заменить индивидуальное участие интерпретатора (личное авторство) «слепым зрением» механических устройств наблюдения и фиксации.

Первая из эпистемических добродетелей, «истина-по-природе», стремится зафиксировать в репрезентации не столько то, что исследователь непосредственно видит, сколько «сущность», истину видимого; изображать значимое (собственно эпистемическое требование) и изображать ясно (требование, коренящееся в коммуникативных и педагогических задачах изображений), истину, а не видимость, – добродетель, прекрасно иллюстрируемая всей работой К. Линнея в биологии. Эта добродетель зарождается в эпоху Просвещения и доминирует до середины XIX столетия, когда под влиянием обновления парка инструментов наблюдения и технологий изготовления изображений она уступает первенство новому эпистемическому идеалу – механической объективности.

Механическая объективность следует идее автоматизации наблюдения и репрезентации, исключению, насколько это возможно, конкретного исследователя из процесса регистрации фактов, смирению воли и амбиций в угоду эмпирической

⁸ Натурализации эпистемологии, по мнению одного из ведущих современных историков науки С. Шейпина, «возможно, самое значимое изменение в истории науки и, конечно, в изучении науки в целом...», см.: [15, р. 9]. «Натурализация означает [требование] рассматривать эпистемологию, так же, как ее предметное содержание – условия истинности знания, – эмпирически» – см.: [16, р. 137]. Подробнее о месте этого восходящего к работам У. Куайна сюжета в современных исследованиях науки см.: [3, с. 97-99].

полноте и механической (регулярной и беспристрастной) достоверности. Одним из важнейших инструментов ученого эпохи механической объективности оказывается фотоаппарат, позволяющий регистрировать и получать изображения минуя руку, волю и разум исследователя, – чистую (по крайней мере, с точки зрения цели, пусть на практике это и не удавалось реализовать в полной мере) реальность. Регистрация истины-по-природе теперь оказывается произвольной фальсификацией, искаженной индивидуальной волей и амбициями ученого, а идеалом становится полностью «нечеловеческая» репрезентация, созданная беспристрастной и не совершающей ошибок машиной.

Третий эпистемический идеал – тренированное суждение – выходит на историческую сцену в 20-е годы XX столетия и, отчасти, становится компромиссом между двумя непримиримыми антагонистами – истиной-по-природе и механической объективностью. Компромисс рождается из несоответствия между растущей сложностью и, следовательно, неоднозначностью репрезентаций, ориентировка в которых требует специальных навыков («тренировки»), и практическими задачами ученых, которым, помимо полноты и «объективности» картины, необходимы конкретные выводы и практические руководства. Ориентация на результат и потребность ориентироваться в усложняющихся и множащихся изображениях формирует практику тренированного суждения, носитель которого, сохранив богатство и неоднозначность «механической» репрезентации, умеет различать в ней существенное и несущественное и выносить квалифицированные суждения, встраиваемые, насколько это возможно, в изобразительную практику, – в частности, в научные атласы.

Трем эпистемическим добродетелями соответствуют три исторических типа ученых (субъекта): «ученые-мудрецы» (savants), искавшие истину-по-природе, «исследователи» (researchers), следовавшие за механической объективностью, и «ученые» (scientists), исповедующие практику тренированного суждения. Каждый из типов научного субъекта представляет собой модель моральной регуляции, нормативную для индивидуального профессионального поведения и воплощающуюся в практиках наблюдения и создания изображений. Каждая из этих моделей предполагает свои медиа (media) – опосредующие инструменты, при помощи которых создаются изображения, и свои медиумы (medium) – носители изображений.

«Эпистемические добродетели», являющиеся де факто основным инструментом распознавания периодов и территорий преобладания того или иного эпистемического идеала, являются, с одной стороны, регулятивным принципом, – затрагивающим в равной степени сферы морали (повседневного поведения ученого в качестве такового) и эпистемологии, – а с другой стороны, – совокупностью сходных материальных форм, которые историк может обнаружить в преобладающих в определенный период и в определенном месте научных практиках. Одной из ключевых методологических установок историографии в этой связи становится предпочтение объяснений и предпосылок, заявленных исключительно внутри самого исследуемого поля, но доверие к ним со стороны историка прямо пропорционально тому, насколько эти предпосылки и объяснения

объективируются в наблюдаемой практике работы декларирующих их ученых. Все вычленимые авторами «Объективности» «эпистемические добродетели» являются (и представляют интерес именно в той степени, в какой они таковы) одновременно направляющим (regulative, guiding) и непосредственно существующим в практике, «буквальным» (literal) идеалом, – каким, например, для механической объективности была машина – эталон точности, беспристрастности и полного изъятия индивидуальных особенностей и воли самости (self) из процесса работы, в совокупности обеспечивающие беспристрастный, «объективный» взгляд на вещи.

Таким образом, связка «эпистемический идеал» – «эпистемические добродетели», являющаяся основанием для нанесения контуров отдельных регионов на карте пространственно-временного континуума научного знания, фиксирует сложную структуру неиерархических взаимосвязей между материально-практической (визуальные репрезентации и связанные с ними процедуры и инструменты), моральной (установки формирования этоса научного субъекта) и эпистемологической (правила порождения и воспроизводства знания) составляющими конкретно-исторической формы (научного) знания. Здесь соединяются вместе типы поведения, продиктованные имеющимися образцами и воплощающиеся в имеющихся образцах; практики, концептуализация которых (регулятивный идеал) рассматривается со стороны инструментов, использование которых подтолкнуло ученых к конкретной форме понимания и регуляции собственных действий; предъявленные этими инструментами феномены, которые отличались (вплоть до прямого противоречия) от предъявляемых другими инструментами и тоже подсказывали специфические правила обращения с ними; социально-технологическая инфраструктура, необходимая для создания средств научной репрезентации и коммуникации (напр., атласов), которая тоже изменялась, предлагая вместо художников-соавторов – художников-слуг, вместо карандаша – фотоаппарат и т.д.

Описанная выше связка служит основной для историографической модели без линейной периодизации и традиционных причинно-следственных объяснений, являющаяся некоторой конкретной разработкой идеи истории знания как пучка траекторий относительно автономных регионов практики с зонами локальных сближений и пересечений. Такой взгляд на историю науки, фактически, исключает возможность написания «истории» в классическом смысле этого слова – описание и интерпретацию последовательности изменений одного и того же целостного объекта («позитивистский» вариант) или нескольких последовательно расположенных во времени разных объектов, не связанных между собой отношениями содержательной преемственности, но занимающих одно и то же «место» и идентичных функционально («куновская» модель). Вместо этого центр тяжести переносится на кейсовые исследования конкретных практик научной работы, а точки схождения этих практик и обнаруженные зависимости между ними рассматриваются как принципиально локальные и историчные: пользуясь метафорой рыночного обмена, предложенной П. Галисоном, можно сказать, что «Несмотря на колоссальные глобальные расхождения, торговые партнеры могут договориться о локальной координации своих действий» [6, с. 66]. Естественным

предметом анализа в такой модели становится лаборатория, которая представляет собой особое пространство «где возникает локальная координация убеждений и действий» [там же, с. 67].⁹

Однако, несмотря на категоричный и весьма последовательный отказ от универсальных схематизаций и объяснений, Л. Дагстон и П. Галисон не отказываются от поиска локальных инвариантов, пусть и не претендующих на статус универсального закона. По их собственному признанию, «...Объективность не является кейсовым, биографическим или микроисторическим исследованием, по крайней мере не в любом привычном смысле этих слов. ... История объективности простерта сквозь страны, языки и столетия, – и, следовательно, ей не хватает сверхплотного внимания к исследованию конкретной лаборатории или больницы. Вместо этого она охватывает физику, метеорологию, биологию, химию, астрономию, математику и медицину; это отнюдь не ограниченное дисциплинарное кейсовое исследование. ... Она ведет, преодолевая тупики, в поисках локального объяснения или, того хуже, причинно-следственного объяснения для того, что на самом деле является глобальным явлением» [12, р. 674-675]. Множество тщательных, привязанных к самой материи исследуемых примеров кейсовых исследований формируют «мезоскопическую, движущуюся по поверхности, этико-эпистемическую» историю науки, которая стремится быть «беспощадно историчной», «заставляющей нас переосмыслить многое из того, что мы принимали как должное по поводу истории науки и создания истории» [там же, р. 677].

Тема «беспощадного историзма» недавно получила интересную локальную экспликацию на страницах журнала «Эпистемология и философия науки», где прошла дискуссия по поводу исторической эпистемологии и, шире, методологии исследования столь важного и сложного объекта, как «наука». Дискуссия развернулась вокруг поставленного Л.В. Шиповаловой вопроса о рисках и потенциальной прибыли «исторического» мышления о науке, идущего, по мысли автора, рука об руку с релятивизмом и отказом от претензий на универсальность [см. 9]. Участники дискуссии заняли весьма разные, отчасти противоречащие друг другу позиции – от ретроградной борьбы за универсалии «по ту сторону» исторического релятивизма, как минимум, на уровне ценностной регуляции науки [см. 4], до обоснования «отказа от конечной (предельной) определенности» и необходимости перехода к «гетерогенной эмпирической множественности» [5, с. 26], «контингентности форм научного познания», учитывающих, в том числе, «перформативность научного знания» [8, с. 38], и отказа от «классических» представлений о науке и трактовки знания и предмета знания как относительно автономных сущностей. Удивительным образом, все стороны спора нашли

⁹ Несмотря на кажущееся очевидным (и, разумеется, не случайное) сходство позиции П. Галисона с существенно более известным в связи с концепцией «исследований лабораторной жизни» Б. Латуром (см.: [14]), в действительности представление о «лаборатории» у них существенно отличается. Для Б. Латура лаборатория является местом возникновения и воспроизводства «науки», для П. Галисона – местом встречи и взаимодействия разных компонентов науки, имеющих самостоятельное существование и вне лаборатории. В этом плане позиция Б. Латура с точки зрения П. Галисона, по-видимому, может быть вписана в систему критикуемых им взглядов («позитивистов – антипозитивистов»), предполагающих у «науки» некий единый фундамент и двигатель развития.

аргументы в пользу своих позиций у Л. Дагтон и П. Галисона, работы которых присутствуют в библиографических списках всех принявших участие в дискуссии авторов.

Это подводит к мысли, что любые формы релятивизма, включая одну из наиболее уважаемых и популярных – исторический релятивизм, неявным образом предполагают признание определенного рода универсальности, как минимум, в части единства предмета и профессионального языка. И, как хорошо видно на примере работы Л. Дагтон и П. Галисона, «беспощадный историзм» вовсе не означает окончательного сосредоточения на микроисторическом исследовании и отказа от поиска макро-закономерностей. Эпистемические добродетели и соответствующие им типы ученого, хотя и историчны, – т.е. имеют точку возникновения и, возможно, исчезновения с исторической сцены, – однако нелокальны относительно других, нетемпоральных параметров сегментации пространства науки, – таких, как язык, государственные и дисциплинарные границы; не достигая статуса всеобщности и необходимости *sub specie aeternitatis*, они все же не могут рассматриваться как простые частные случаи и их локальность во времени отнюдь не означает неспособности выступать значимым (и, возможно, даже всеобщим и необходимым) инвариантом для конкретных регионов бытия.¹⁰

Согласно, возможно, несколько натянутой, но иллюстративной интерпретации одного из критиков «Объективности», ее авторы рассматривают объективность, являющуюся важнейшим элементом (научной) эпистемологии, не как «концепт», т.е. предельное понятие, априорный императив Разума, а как «сеть убеждений» (*web of beliefs*), которая, будучи вплетена в другие «сети убеждений», встроенные в практики, меняется вместе с изменениями убеждений и практик, что происходит непрерывно ввиду того, что «убеждения» не являются априорными и обновляются, оказываясь локально «истинными» или «ложными» [19, p. 406-410]. Соответственно, инварианты существуют, но существуют как историчные, а не априорные объекты: любое правило, связанное с человеком, имеет «историю до» и «историю после», и любой инвариант культурного пространства (состоящего из норм, практик и т.д.) локален в культурном времени.

Список литературы

1. Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.
2. Брук Дж.Х. Наука и религия. Историческая перспектива. М., 2004.
3. Вархотов Т.А. Конструктивистская программа в философии и методологии науки // Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы. Из-во Воронежского гос. ун-та, 2006.
4. Вархотов Т.А. Против релятивизма: историческая эпистемология в поисках универсалий // Эпистемология и философия науки, 2017. Т. 51. № 1.
5. Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2.

¹⁰Сходный аргумент имеет в виду Д. Блур, когда явным образом разводит условия воспроизводства и условия истинности знания, справедливо подчеркивая, что зависимость теории от социального контекста, обеспечивающего причинное объяснение ее появления и успеха, совершенно ничего не говорит о ее истинности, и что вопросы социального воспроизводства и эмпирической адекватности знания не имеют никакой необходимой взаимосвязи. См.: [10].

6. Галисон П. Зоны обмена: координация убеждений и действий // Вестник истории естествознания и техники, 2004, № 1.
7. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: НЛЮ, 2018.
8. Писарев А.А. Историческая эпистемология: эпистемология и другая философия // Эпистемология и философия науки 2017. Т. 52. № 2.
9. Шиповалова Л.В. Стоит ли мыслить науку исторически? // Эпистемология и философия науки, 2017. Т. 51. № 1.
10. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. L., 1976.
11. Daston L. History of Science without Structure // Kuhn's Structure of Scientific Revolutions at Fifty. Reflections on a Science Classic. Ed. R.J. Richards and L.Daston. Chicago University Press, 2016.
12. Daston L., Galison P. Objectivity and Its Critics // Victorian Studies, Vol. 50, No. 4 (Summer, 2008).
13. Daston L., Galison P. Objectivity. NY: ZoneBooks, 2007.
14. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Social Construction of the Scientific Facts. Beverly Hills, 1979.
15. Natural Order: Historical Studies of the Scientific Culture. London: Sage, 1978.
16. Schmidt V.H. Oversocialised Epistemology: A Critical Appraisal of Constructivism // Sociology, 2001, vol. 35, № 1.
17. Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life. Princeton, 1985.
18. Tucker J. Objectivity, Collective Sight, and Scientific Personae // Victorian Studies, 2008, Vol. 50, No. 4.
19. Turner S.T. Webs of Belief or Practices: the Problem of Understanding // Arch.europ.sociol., LI, 3 (2010).

Varkhotov T.A. The Objectivity of «Objectivity»: I. Daston and P. Galison's Historiographic Model and the Historical Epistemology of Science // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 3–13.

The article concerns the methodology of the historical studies of science. The main subject is historiographic model proposed by L. Daston and P. Galison in their famous book "Objectivity" for describing and understanding the evolution of modern science from early Enlightenment till nowadays. The analytical reconstruction of the authors' epistemological stances and conceptual apparatus is being made within the context of historization of scientific knowledge and historical relativism. Along side the question of regulative ideal for historical epistemology is being put. The author comes to conclusion that the historicity of science and epistemic virtues does not exclude the search for universals and stable invariants in the history of science, and that "to think epistemology historically" does not necessary mean to be relativist. Historicism, rather, implies a rejection of a priori in epistemology, the recognition of the locality of historically available invariants and the establishment of a painstaking search for nonlocal on the intersection lines of always-local historical practices of the reproduction of knowledge.

Key words: epistemology, history of science, philosophy of science, methodology of history.

References

1. Bernal J. Science in the History of Society. Moscow., 1956 (in Russian).
2. Brooke, J.H. Science and religion. Some historical perspectives. Cambridge: Cambridge university press, 1991.
3. Varkhotov T.A. Constructivist program in philosophy and methodology of science // Philosophy of Science: historical periods and theoretical methods. Voronezh, 2006.
4. Varkhotov T. Contra relativism: historical epistemology in search of universals // Epistemology & Philosophy of Science 2017, vol. 51, no. 1.
5. Gavrilenko S. Historical epistemology: zone of uncertainty and space for theoretical imagination // Epistemology & Philosophy of Science 2017, vol. 52, no.2.
6. Galison P. Trading Zone: Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader / Ed. by Mario Biagioli. New York: Routledge, 1999.

- 7.
8. Pisarev A. Historical epistemology: epistemology and the other philosophy // *Epistemology & Philosophy of Science* 2017, vol. 52, no.2.
9. Shipovalova L. Should we conceive science historically? // *Epistemology & Philosophy of Science* 2017, vol. 51, no. 1.
10. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. L., 1976.
11. Daston L. *History of Science without Structure // Kuhn's Structure of Scientific Revolutions at Fifty. Reflections on a Science Classic*. Ed. R.J. Richards and L. Daston. Chicago University Press, 2016.
12. Daston L., Galison P. Objectivity and Its Critics // *Victorian Studies*, Vol. 50, No. 4 (Summer, 2008), pp. 666-677.
13. Daston L., Galison P. *Objectivity*. NY: ZoneBooks, 2007.
14. Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life. The Social Construction of the Scientific Facts*. Beverly Hills, 1979.
15. *Natural Order: Historical Studies of the Scientific Culture*. London: Sage, 1978.
16. Schmidt V.H. Oversocialised Epistemology: A Critical Appraisal of Constructivism // *Sociology*, 2001, vol.35, №1.
17. Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. Princeton, 1985.
18. Tucker J. Objectivity, Collective Sight, and Scientific Personae // *Victorian Studies*, 2008, Vol. 50, No. 4.
19. Turner S.T. Webs of Belief or Practices: the Problem of Understanding // *Arch.europ.sociol.*, LI, 3 (2010).